

Олег Арсенов

НИКОЛА ТЕСЛА

*человек,
опередивший
время*

Олег Арсенов
Никола Тесла
Серия «Удовольствие от науки»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40687292
Никола Тесла / Олег Арсенов: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-100814-7*

Аннотация

Никола Тесла (1856–1943) – всемирно известный изобретатель в области электротехники и радиотехники, инженер, физик. Всемирная известность пришла к нему благодаря вкладу в создание устройств, работающих на переменном токе, многофазных систем и электродвигателя, давших возможность совершить так названный второй этап промышленной революции. Его называли «человеком, который изобрел XX век». Наша книга посвящена жизни и творчеству этого великого ученого, перевернувшего наше представление о науке.

Содержание

Предисловие автора	6
Вступление	10
Гений или шарлатан	27
Трагедия Пёрл-Харбора	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Олег Арсенов

Никола Тесла

При оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии: от shutterstock.com:

Anton Balazh,
Craig Jewell,
Creations,
Digital_Art,
Eimantas Buzas,
Everett Historical,
gary718,
J.D.S,
J.K.
York,
Molodec,
Morphart Creation,
Nicku,
Pavel L Photo and Video,
Sakala, Viktoriya
Sakala_shutterstock_1645811
Eimantas Buzas_shutterstock_2770961
Craig Jewell_shutterstock_17487460
Creations_shutterstock_26507824
Viktoriya_shutterstock_27984392

gary718_shutterstock_32507452
Digital_Art_shutterstock_54849604
Molodec_shutterstock_57103033
J.K. York_shutterstock_72660619
Morphart Creation_shutterstock_80734714
J.D.S_shutterstock_89191591
Nicku_shutterstock_94197982
Anton Balazh_shutterstock_94735288
Pavel L Photo and Video_shutterstock_147696491
Everett Historical_shutterstock_239401234
Everett Historical_shutterstock_245966125
Everett Historical_shutterstock_249572854
Everett Historical_shutterstock_249572863

© ООО «Айдиономикс», 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Предисловие автора

Мы счастливы, что живем в эпоху, когда все еще совершаем открытия. Каждое из них сродни открытию Америки, ведь подобное случается лишь однажды. Век, в котором мы живем, – это век, в котором мы открываем фундаментальные законы природы.

Ричард Филлипс Фейнман (1918–1988)

Мой учитель и один из самых блестящих физиков-теоретиков ушедшего века М. И. Каганов был удивительно разносторонней личностью. В те далекие времена, когда я еще был первокурсником университета, Моисей Исаакович организовал при обществе «Знание» впоследствии чрезвычайно популярный в нашем городе (Харькове) Клуб любителей фантастики (КЛФ). Не знаю, что происходило в других КЛФ, но в нашем действительно обсуждалась научная фантастика, и среди множества интереснейших тем была и такая – «Фантастические эксперименты». Мне до сих пор очень жаль, что я тогда не догадался законспектировать наполненные неподражаемым юмором, удивительными парадоксами и метафорами выступления Моисея Исааковича. Помнится, что после нескольких основных «программных докладов» возникла, как всегда, очень оживленная дискуссия. И вот когда Моисей Исаакович с большой долей иронии комменти-

ровал идеи всяческих опытов по проколам окружающего нас пространства-времени, возникли ключевые термины нашего сегодняшнего рассказа: «Филадельфийский эксперимент», «опыты Теслы» и «завещание Эйнштейна». Признаюсь честно, для меня это были достаточно новые словосочетания, и я с изумлением и восхищением следил за дискуссией, в ходе которой так и мелькали «плазмойды Теслы», «глобальные электромагнитные резонаторы», «гравиамагнитные потенциалы», «переходы в континууме Минковского» и прочие поражающие воображение вещи.

В общем-то было понятно, что все эти эксперименты так или иначе связаны с понятием «радиолокация». Этот для многих непонятный инженерный термин попал на страницы газет и журналов в 1950-е годы. Видный ученый-радиофизик А. И. Козлов вспоминает, что в те времена он произносился спокойным голосом, с тихим трепетом в сердце и уважением. Предполагалось, что человек, так свободно его употребляющий в разговоре, наверняка причастен к каким-то высшим военным и научным секретам. Сообщения в средствах массовой информации того времени, не говоря уже о литературе и кинофильмах детективно-фантастического жанра, убеждали обывателя в существовании некоего чудо-прибора. Этот прибор, входящий в состав очень сложного оборудования, способен сотворить фантастический радиощит, ограждающий наше небо от непрошенных гостей. Кроме того, чудесный прибор мог бы быть удивительным навигатором,

позволяющим воздушным и морским судам летать и плавать в любую погоду, при любой видимости, видеть все, что творится в небесах, на земле и на море. Но шло время, и, как это всегда бывает, массовый интерес к радиолокации угас, его вытеснили новые научные и технические достижения, а сама радиолокация стала формироваться в строгую научную дисциплину с четко очерченными границами возможностей и приложения.

Вот на таком историческом фоне и возникла тайна Филладельфийского эксперимента. Формально ее появление связано с истечением срока давности некоторых секретных документов об исследовании американскими военными загадочных неопознанных летающих объектов. И хотя при всей общей сенсационности подобных публикаций извлечь какую-либо конкретику довольно сложно, проблема исчезновения эсминца «Элдридж», похоже, прочно и навсегда вошла в антологию таинственных случаев. Тут надо заметить, что способность околонаучных журналистов, проводящих собственные расследования, полностью запутать обсуждение любого интересного явления является общепризнанным фактом среди ученых. Ну а если попытаться разобраться в проекте «Радуга» с точки зрения настоящей науки? Любопытно, но в этом случае получается, что при сохранении общего уровня здоровой сенсационности мы начинаем замечать и видеть такие удивительные и порой поражающие нас явления природы, о которых акулы пера даже не догадыва-

лись...

В заключение я хотел бы поблагодарить писателя-фантаста Д. Е. Абросимова за любезно предоставленную оригинальную иллюстрацию «Проект “Радуга” и научного обозревателя журнала «Компьютерра» К. Берда, автора очень интересной книги под названием «Книга о странном», за разрешение использовать фрагменты его замечательной статьи «Грязный эксперимент».

Я выражаю признательность всем своим коллегам, принявшим участие в обсуждении рукописи. Особенно хотелось бы отметить земляка Н. Теслы – доктора А. Сорли из Словении за оригинальное описание сверхсенсорного восприятия действительности Теслой, а также талантливого харьковского изобретателя В. А. Голубева, проанализировавшего современное состояние экспериментов с катушками Теслы и предоставившего материалы собственных исследований индукторов Теслы – Голубева.

Я с глубоким уважением отношусь к замечаниям профессора М. Чейни из Корнеллского университета и ее неоценимой помощи в сборе различных исторических, биографических и научных материалов.

Вступление

Наряду с НЛО и убийством Джона Ф. Кеннеди, так называемый Филадельфийский эксперимент (ФЭ) входит, по-видимому, в тройку наиболее знаменитых загадок истории второй половины XX века. Выдвигаются даже предположения, что неким замысловатым образом все три тайны тесно между собою связаны, а посему абсолютная ясность одной из них непременно прольет свет и на остальные. Рано или поздно ситуация должна будет проясниться, а пока же отчетливо понятно лишь одно – плотный туман неизвестности в сочетании с множеством противоречий и небылиц образовался вокруг этих историй при самом активном участии правительственных ведомств США, в первую очередь – разведывательных и военных служб.

Дабы наглядно и убедительно это утверждение проиллюстрировать (не доказать, конечно, ибо такое вряд ли возможно), следует обратиться к известным официальным документам, пусть и не относящимся напрямую к ФЭ, теме данной статьи, но все же из весьма близкой области.

Киви Берд. Грязный эксперимент

Исследователи парадоксов Филадельфийского эксперимента резко расходятся во мнениях, где побывал эсминец и что мог видеть его экипаж при странствиях в потусторонних

мирах.

Старенькая университетская библиотека, насыщенная запахами книг и непередаваемой атмосферой вечного познания, располагалась в самом центре города, в старинном здании с необычными стрельчатыми окнами и высокими потолками. Годы не смогли погрузить в землю его стены и разрушить своды с потемневшими от времени балками, на которых, звеня стеклярусом, раскачивались многоярусные люстры. Все это и сгубило маленький храм знания, где многие поколения студентов грызли гранит науки и постигали мудрость мироздания. Пришли иные времена... Здание приглянулось компании нуворишей, и они, подделав кучу документов и раздав не менее значительную кучу взяток чиновникам городской управы, уже через несколько дней въехали в оскверненное святилище интеллекта...

Часть наиболее ценных книг свезли в сырые подвалы главного здания университета, а оставшиеся просто вывалили в грязь маленького дворика под нудный осенний дождик.

Трудно сказать, что заставило меня заглянуть в этот кусочек университетской юности. Может быть, привлекли внимание распахнутые настежь антикварные резные двери с цветными узорчатыми стеклами, в которые орава новых хозяев жизни шумно втаскивала коробки компьютеров, или я подспудно давно уже ожидал чего-то такого... Как-то сразу защемило сердце – стало понятно, что я увижу за древним фасадом...

Хороших книг было много, слишком много, варварски затоптанных грязными сапогами грузчиков, таскавших новую мебель к заднему крыльцу бывшей библиотеки. Книги раскинули свои страницы, как потерпевшие жизненное кораблекрушение руки, взывающие о помощи и сострадании...

С собой у меня случайно была пара пластиковых пакетов, которые мгновенно наполнились такими знакомыми названиями, а вот это я просто не заметил... а вот еще и еще... Тут я понял, что, если сейчас же не остановлюсь, все мое сокровище опять окажется в грязи, но напоследок решился подобрать еще одну тонкую книжицу, которая заинтересовала своим самодельным переплетом и машинописью.

Вечером я почему-то начал ревизию своих новых сокровищ именно с самodelки в картонном переплете. С немалым удивлением я увидел, что почти вся она состоит из каких-то схем и графиков и лишь в конце следует несколько страничек слепого машинописного текста, заканчивающегося вообще необычно – фантастическим рассказом, напечатанным на неплохом принтере и, судя по всему, вклеенным недавно.

* * *

...Ряды электронных ламп, заполнявших практически весь кормовой трюм, тлели и вспыхивали красновато-желтыми огоньками. Стоило прищурить глаза – и казалось, будто ты стоишь среди поляны углей прогоревшего костра. Слы-

шалось жужжание тлеющих углей и потрескивание статических электроразрядов, как у гигантского улья.

– Внимание! Режим накачки, – громко объявил руководитель эксперимента. Тут же два оператора стали щелкать большими эбонитовыми тумблерами и перебрасывать рукоятки рубильников. Лампы засияли желто-оранжевым светом, а их жужжание медленно перешло в грозное гудение, при этом потрескивание разрядов слилось в непрерывное стрекотание, напоминающее мотоциклетный моторчик.

– Переходим к первой ступени генерации, – руководителю приходилось уже напрягать голос, чтобы перекрыть шум «электронного улья». Свет ламп перешел в ярко-белую гамму, и все участники эксперимента надвинули на глаза консервные банки альпинистских черных очков. Где-то среди сполохов ламп щелкнул выстрел сильного разряда, затем еще один, сильно запахло озоном и сгоревшей изоляцией. Разговаривать стало совершенно невозможно, поэтому все смотрели на руководителя как на дирижера какого-то фантастического оркестра, показывающего жестами каждому участнику опыта его партию. Вот он взмахнул рукой, показывая в угол, и все с изумлением стали смотреть, как на изгибе квадратной трубки волновода стала расти, выдуваясь, как огненный мыльный шар, груша плазмоида. Еще одно мгновение – и шаровая молния, оторвавшись от волновода, медленно поплыла над пульсирующим морем света, но полет ее был недолог. С потолка трюма везде свисали толстые медные шины

воздушного заземления, и, соприкоснувшись с одной из них, шаровая молния исчезла с таким громким хлопком, что полузадраенные иллюминаторы отозвались жалобным звоном.

Склонившись к уху ближайшего оператора, руководитель прокричал:

– Похоже, Тесла был прав, да и старик тоже предупреждал о спонтанных выбросах энергии.

Его собеседник только молча энергично закивал в ответ. Между тем эксперимент продолжался. Один из ученых с заметным усилием повернул на несколько делений деревянный штурвальчик реостата, так напоминающий уменьшенную копию рулевого механизма, и гудение ламп сразу же изменило свою тональность, сместившись к нижней части звукового спектра. Вдруг гранатой взорвалась одна из дальних ламп, и буквально под ногами руководителя ей эхом ответила еще одна, так что во все стороны полетели мелкие осколки тонкого стекла. Ученый, не замечая струйки крови, текущей из пореза на щеке, скрестив руки, решительно повернулся к главному оператору, давая ему знак о прекращении опыта, но было уже поздно...

Из центрального черного ящика с батареей магнетронов трюм залили волны изумрудного свечения, сопровождаемого непереносимым сверлящим звуком. Тела людей запылали сквозь одежду багровым светом, стены трюма стали таять, но вместо безграничной дали океана перед пораженными экспериментаторами предстала клубящаяся тьма, озаря-

емая вспышками оставшихся ламп...

На самом деле современная теоретическая физика вовсе не отрицает непространственные переходы материальных тел. Однако для их осуществления необходима настолько огромная энергия, что, выделись она при подпространственной транслокации тысячетонного «Элдриджа», в чудовищном космическом катаклизме исчезла бы не только Земля, но и по меньшей мере наша галактика Млечный Путь.

Дмитрий Абросимов.

ПРОЕКТ «РАДУГА»

28 ноября 19... года.

Я не верю, что кто-то найдет эту записку. Тем более не верю, что кто-то примет всерьез ее содержание. Но я больше не могу хранить эту тайну. Она жжет изнутри. Жжет, как и сознание того, что я один из последних, а то и последний участник проекта «Радуга».

Рассказывать об этом бесполезно – кто поверит официально освидетельствованному сумасшедшему. Хотя с месяц назад я попытался.

Мучимый картинами прошлого, я ходил кругами у монумента солдатам Второй мировой в мемориальном парке неподалеку от Колорадо-Спрингс, когда заметил двух молодых парней в форме ВВС.

Один фотографировал что-то в небе, а второй прогули-

вался по парку. Молодые пилоты с расположенной вблизи военно-воздушной базы, они напомнили меня двадцатилетнего.

Я тогда тоже был полон надежд и отваги. Но правительство втянуло меня в авантюру, а после выбросило из флота, признав сумасшедшим. Но я знаю, что увиденное мной действительно существует!

Я решил подойти к пилоту, что ходил по дорожке, и спросил, как ему здесь нравится. Он ответил, что в общем-то ничего, но постоянная муштра утомляет. Мы разговорились. Я даже показал ему свое удостоверение лейтенанта Военно-морских сил и рассказал, как меня вышвырнули после этого чертового эксперимента.

Пилот поинтересовался, что за эксперимент. В тот момент у меня появилась надежда, что этот парень поверит мне.

В общих чертах я рассказал ему, в чем заключалась суть эксперимента.

Когда подошел второй пилот, я уже рассказывал, как нас выпихнули из флота, после того как эксперимент провалился. Я говорил, что нас всех признали сумасшедшими и поэтому нам никто не верит. Первый пилот, похоже, мне поверил. Но второй парень отвлек его и многозначительно закатил глаза. Я понял, что рассказывать дальше бесполезно, и сменил тему. Потом пилоты отправились к себе на базу, а я больше никогда не приходил в тот парк.

Два дня спустя я бежал. Я снова почувствовал дыхание

криттеров. Когда бежишь так же долго, как я, невольно научишься чувствовать их на расстоянии. Я забрал свои вещи из мотеля и уехал в маленький городок в пустыне.

Криттерами – тварями – назвал этих существ Том незадолго до гибели. Я уверен, что он именно погиб, а не просто пропал без вести...

Странно, но в большом городе они находят меня раньше, чем в пустынной местности. Я даже не представляю, с чем это может быть связано. Мне всегда казалось, что чем больше людей, тем легче скрыться. С криттерами оказалось иначе.

Сейчас я сижу в очередном дешевом мотеле и при свете слабой лампы пишу эту записку. Поймите меня правильно, я воспитывался в католической семье, и самоубийство претит мне. Но уж лучше так, чем попасть к ним в лапы. Если у них есть лапы...

Просто я устал бежать. Мне уже под шестьдесят, а постоянные переезды и стрессы заставляют меня выглядеть на все восемьдесят. И не только выглядеть, но и чувствовать.

На последние деньги я заказал этот номер и хорошо поужинал в кафе при мотеле. Верный друг – старенький флотский револьвер – еще способен стрелять, и завтра он сделает последний в моей жизни выстрел.

Странно, я ведь не убил ни одного человека, хотя и воевал почти три года. Но на корабле трудно встретиться с противником лицом к лицу, а должность навигатора вооруженных

столкновений не предусматривает. Как-то странно знать, что первым человеком, которого я убью, окажусь я сам. Но это будет позже. Сначала... сначала я напишу всю правду о том, что на самом деле произошло с моим кораблем и моими друзьями.

Все началось в конце июня 1943-го. Меня, Хэнка и Тома отозвали с нашего старого корыта и перевели в Ньюарк на новенький, только спущенный со стапелей эсминец. На построении объявили, что новый корабль примет участие в сверхсекретном правительственном проекте под кодовым наименованием «Радуга».

Естественно, все дали подписку о неразглашении. Признаться честно, в то время я был горд участием в правительственном, да еще и секретном проекте. Хотелось сделать что-то великое, что перевернет историю и сотрет с лица земли Гитлера и его подручных. Знал бы я тогда, чем этот проект закончится...

Тем временем для проведения испытаний корабль поставили на якорь неподалеку от дока. Энергетическую систему эсминца усилили подключением (с помощью кабелей) генераторов двух других кораблей. На носу, корме и в центральной части эсминца разместили три здоровенных трансформатора. Еще поставили кучу приборов и протянули множество кабелей по палубам.

Том – до войны он преподавал в колледже – предположил, что испытывают новую систему размагничивания кор-

пуca корабля, чтобы к нему не прилипали немецкие магнитные мины. Хэнк посмеялся над Томом и больше в шутку, нежели всерьез, предположил, что будут испытывать систему невидимости корабля. Что называется попал пальцем в небо.

Если помните, в то время ходило множество слухов о немецких ракетах ФАУ, о странных летательных аппаратах войск союзников, о секретном чудо-оружии русских. Поэтому идею невидимости мы тоже не отбросили, хотя в довесок напридумывали еще с пяток забавных теорий вроде электрических пушек или магнитных ускорителей для двигателя.

Да, в то время мы были веселы и отважны...

Первый тревожный звоночек прозвучал, когда мы с Хэнком возвращались на корабль из бара и случайно услышали спор двух больших шишек, которые курировали проект. Один – явно ученый – говорил, что проводить эксперимент слишком рано, так как оборудование не стабилизировано и могут пострадать люди. Собеседник ученого, какой-то высший чин Военно-морских сил, настаивал на немедленном проведении эксперимента, угрожая прекращением финансирования работ. Военный заявил, что его заботит только исход войны и что невидимость корабля от немецких радаров важнее жизни нескольких человек.

Как потом признался Хэнк, у него по спине прополз неприятный холодок от услышанного. Но, несмотря на отрицательное мнение ученых о готовности эксперимента, пра-

вили бал все же военные. На корабль навесили еще кучу оборудования и назначили контрольный тест на 20 июля.

В то утро у меня не было никаких плохих предчувствий.

Я был бодр и почти забыл подслушанные слова о том, что могут пострадать люди. Тогда я был наивен и верил, что флот позаботится о наших жизнях и о нашем здоровье.

Корабль сняли с якоря, по радио мы слышали приказ включить оборудование. С берега за нами наблюдали военные и ученые. Как мне сказал Том, среди последних он узнал фон Неймана и Эйнштейна. В то время я еще не знал, кто это такие.

Тем временем ученые на корабле запустили свои технические штучки.

Невидимость удерживалась в течение пятнадцати минут, хотя мне показалось, что времени прошло намного больше. Я почти сразу же почувствовал тошноту и слабость. Собрав силы, я оперся о борт и наблюдал за происходящим.

Я видел, как пространство над кораблем становилось темнее. Вокруг эсминца сформировалось что-то вроде линзы, через которую корабли сопровождения виделись крайне размыто. Через несколько минут линзу, в которой оказался наш корабль, заполнил неведомо откуда взявшийся молокообразный зеленоватый туман.

Члены экипажа, находившиеся на палубе, испытывали тошноту и слабость. Кого-то рвало, один матрос кружился на месте и что-то говорил в пустоту. Том, стоявший рядом

со мной, посмотрел вверх и воскликнул:

– Смотри, Джеймс! Там какая-то тварь!

Но когда я посмотрел в ту сторону, куда указывала его рука, я ничего не заметил, кроме сгустка зеленоватого тумана. Вокруг раздавалось какое-то жужжание или шипение. Когда наконец все это закончилось, я обнаружил, что мои пальцы побелели – с такой силой я сжимал край бортика.

После теста мы думали, что на доводку оборудования эксперимента дадут больше времени, но руководство штаба ВМС настояло на проведении следующей фазы 12 августа.

Прошло немногим более трех недель, и настал день икс.

На этот раз никакой бодрости не было и в помине. Я боялся. Да что там, вся команда эсминца боялась до дрожи в коленках. Том, весь белый, стоял рядом на мостике. Он дрожал и повторял только:

– Ох, Джеймс! Неужели опять? Там эти твари, Джеймс! Криттеры! Я видел одну из них в прошлый раз. Мне показалось, она охотится за мной, Джеймс!

Я и Хэнк как могли успокаивали его, но нам самим было не по себе. В этот раз должны были дать полную мощность и на длительное время.

По радио передали сигнал, и ученые запустили оборудование. В течение четырех-пяти минут ничего не происходило, а затем все повторилось, как в прошлый раз, – тошнота, слабость, формирование линзы, искаженный вид кораблей за ней, молокообразный зеленоватый туман. Даль-

ше линза и туман закружились вокруг корабля. Жужжащий звук, сопровождавший работу оборудования, быстро превратился в гудящее шипение, а потом усилился до бурлящего грохота, похожего на шум горного потока.

Мне было крайне нехорошо – тошнило и подгибались колени, но я видел, как корабль растворяется в зеленом тумане. Вокруг линзы уже ничего не было видно, как вдруг шум пропал. Беззвучно полыхнуло голубым, и на мгновение воздух очистился. Корабль стоял в гавани у доков. Но гавань была другая!

Я не помню, что еще тогда чувствовал, кроме страха. Это после я узнал, что корабль переместился в гавань Норфолка, штат Вирджиния. Но в тот момент я очень сомневался в том, что все уже закончилось, и страшно боялся осознавать, что это может быть совсем не так. (Вообще, все мои воспоминания об эксперименте связаны с постоянным чувством страха.)

Так вот, как я и написал, корабль переместился в неизвестную мне гавань, и я подумал, что все кончилось. Но тут я почувствовал, что стою ни на чем не опираясь. Гавань исчезла, но уже привычная линза не появилась. Что-то меня подняло, и я увидел, что нахожусь в пространстве, состоящем из взвеси зеленоватого тумана и серого облака, в которое, как мне казалось, превратился корабль.

Том и Хэнк, рядом висевшие в тумане, внезапно оказались внизу и словно уменьшились. Потом раздался тяжелый

вздых, и мир вокруг содрогнулся. Я снова стоял на палубе корабля, но она колыбалась и дрожала, словно желе.

Где-то далеко почти на пределе слышимости раздался дикий крик. Я повернул голову – это движение далось мне с огромным трудом. Время словно остановилось. Я увидел Тома и его, криттера. Он был немного похож на амёбу, какой ее рисуют в учебниках. Аморфное образование, зеленый сгусток тумана, клубящийся дымными щупальцами.

Криттер висел рядом с Томом и, казалось, ничего не делал, но Том кричал нечеловеческим голосом и растворялся. Из-за неизвестного эффекта этого пространства я еле слышал голос моего друга, словно он находился на огромном расстоянии от меня. Но Том был в двух шагах!

Хэнк забился в угол и смотрел застопорившимся взглядом на криттера. Я заметил, что зрачки Хэнка увеличились настолько, что не было видно радужки, а на лице появилась ужасающая гримаса. Не знаю, на кого был похож в тот момент я, но Хэнк выглядел натуральным психом.

Тем временем Том уже перестал кричать и почти исчез. Остался только силуэт, сквозь который я видел серый металл бортика. Рядом также безучастно висел криттер. Я хотел, честно хотел, подойти к Тому и постараться помочь ему! Но тело не желало повиноваться мне, я с трудом поворачивал голову. Даже глазные яблоки, казалось, со скрипом вращались в орбитах.

Затем будто резко захлопнули дверь в иной мир, дрожь

под ногами прекратилась, и палуба вновь застыла, вернув мне ощущение реальной силы тяжести. Я снова мог владеть телом, но было уже поздно. От Тома не осталось и следа, криттер тоже исчез.

Я огляделся. Вокруг эсминца шуршало волнами море, неподалеку виднелись корабли сопровождения. Все – как всегда, и лишь клочья зеленоватого тумана, плясавшие на ветру, напоминали о случившемся.

С трудом переставляя одеревеневшие ноги, я подошел к Хэнку и помог ему подняться. Он молча схватил мою руку и крепко сжал ее. Я тоже ничего не говорил. В тот момент все слова казались лишними, да и не знали мы, как выразить словами пережитое.

После высадки на берег оказалось, что от экипажа уцелела едва половина, а приставленные к оборудованию научники почти все исчезли. Нас отправили на длительную реабилитацию.

Жили мы на каком-то засекреченном объекте, где нас с утра до вечера допрашивали об увиденном. В то время с моряками стали происходить невероятные вещи: одни как бы замерзали – выпадали из реального времени, другие вообще растворялись в воздухе, чтобы уже никогда не появиться вновь...

Самый жуткий случай произошел, когда прямо в комнате, где сидели мы с Хэнком и очередной допросчик, появился криттер. (Тогда я еще не чувствовал их приближения.) Тварь

выплыла прямо из стены. Хэнк встал, оборвав фразу на полуслове, и внезапно пошел на криттера. Я опешил, но ринулся к нему и попытался схватить за руку, но мои пальцы поймали только пустоту. Хэнк вошел в стену и исчез. Военный следователь наблюдал за происходящим круглыми глазами. Я бросился из комнаты и завернул за угол, куда выходила стена. Хэнка там не было.

Как оказалось, криттера следователь не видел. Он заметил только, как Хэнк встал и вошел в стену. А моим словам никто не поверил.

Впоследствии все члены команды, в том числе и я, были уволены как психически неуравновешенные. Это оказалось весьма удобным для дискредитации возможных откровений.

С тех пор я только и делал, что бежал. Иногда в газетах мне попадались статьи о загадочных исчезновениях. Часто там печатались фамилии некоторых членов нашего экипажа.

Я знаю, их забирали криттеры. Этих тварей я научился чувствовать на расстоянии. Кстати, до сих пор не понял, кто они и что им от нас нужно. Эксперимент открыл криттерам проход в наш мир, и сейчас они то ли питаются нами, то ли забирают всех, кто знает об их существовании. Не знаю.

Я пытался рассказывать об эксперименте, но мне никто не верил. Как же, меня ведь официально признали сумасшедшим. Убегая от криттеров, я побывал во всех штатах, одно время даже думал уехать за границу, но не смог собрать достаточно денег.

Годы шли, а я все бежал и бежал. Из одного штата в другой, из большого города в маленький. По-моему, я остался последним из экипажа, кто еще не покончил с собой или не сдался криттерам. Но теперь я устал.

...Все хотел закончить записку умной или поучительной мыслью вроде «не шутите с пространством-временем!», но ничего на ум не приходит. Я не знаю, может быть, «Радуга» действительно что-то дала науке и благодаря проекту человечество сделало множество великих открытий.

Но почему-то об открытиях этих нигде не упоминается. И не зря, наверное, Эйнштейн сжег свои записи перед смертью. Говорят, он посчитал человечество неготовым к новым открытиям. После того что я видел, мне остается только согласиться с ним.

Пожалуй, не будет никакого последнего слова. Всю историю проекта «Радуга» вы теперь знаете и можете сделать какие-то выводы. Но меня всю жизнь мучает один вопрос: неужели этот проект стоил жизни моих друзей и нашей команды? Возможно, если бы я знал ответ, мне было бы легче перенести случившееся.

Надеюсь, я все же попаду в рай и там не будет этих тварей. Господи, помоги всем нам!

Джеймс Алан Митчелл, бывший лейтенант конвойного эсминца «Элдридж» ДЕ-173 ВМС США

Гений или шарлатан

Трагедия Пёрл-Харбора

Атака Пёрл-Харбора была столь отважной и успешной военной операцией, что навсегда заняла особое место в военной истории. Одним мастерским ударом Япония не только открыла начальную фазу войны в Тихом океане, но и нанесла чудовищные потери мощному американскому флоту, застигнув врасплох.

*Хорикоши Дзиро, Окумия Матасаки, Кайдин Мартин.
Зеро!*

Ударное соединение японского императорского флота в составе шести авианосцев, под завязку наполненных истребителями, торпедоносцами и бомбардировщиками, 26 ноября 1941 года в глубокой тайне покинуло секретную военноморскую базу на Курильских островах. Сопровождаемые линкорами, крейсерами, эсминцами и подводными лодками гигантские плавучие аэродромы взяли курс на южную часть Тихоокеанской акватории.

Утро 7 декабря 1941-го выдалось над Гавайскими островами солнечным, с легкой переменной облачностью, зато вечером 26 ноября северный ветер хлестал зарядами дождя

с мокрым снегом по штормящему Тихому океану. Тогда в ночь из военно-морской базы Хитокаппу на Курильской гряде выскользнуло в юго-восточном направлении ударное соединение японского императорского флота под командованием вице-адмирала Тюити Нагумо. Японское соединение включало шесть авианосцев: «Акаги», «Хирю», «Кага», «Сёкаку», «Сорю» и «Дзюйкаку». На этих стальных левиафанах размещался 441 самолет, включая истребители, торпедоносцы и бомбардировщики. Эскорт авианосцев составляли линкоры, крейсера, эсминцы и подводные лодки.

Японский авианосец времен Второй мировой войны

Крупнейшая тихоокеанская база Военно-морского флота (ВМФ) США Пёрл-Харбор имела очень даже неплохую систему противовоздушной обороны (ПВО), включавшую полторы сотни истребителей и множество зенитных орудий, не считая спаренных крупнокалиберных пулеметов. В системе ПВО Пёрл-Харбора была и своя изюминка, которая могла превратить базу в очень крепкий орешек для любых возможных сил вторжения. Это радиолокационная станция (РЛС) дальнего обнаружения с целым рядом новейших приборов, проходящих настройку и тестирование. К сожалению, уникальную РЛС практически некому было обслуживать. Инженеры-наладчики уже отбыли в США, а квалифицированные операторы только заканчивали учебу. И замечательное передовое оборудование в основном использовалось в качестве тренажеров для обучения личного состава береговой обороны.

В историческое утро 7 декабря, как и обычно, на РЛС проходили учебные занятия, закончившиеся ровно в 7 часов утра. После того как офицеры и рядовые покинули РЛС, на тренажерах остались два простых солдата, навсегда вошедшие в историю. Рядовые Джозеф Локард и Джордж Эллиотт решили еще немного доработать технику быстрого приведения в действие радиолокатора дальнего обнаружения воздушных целей, расположенного на севере гавайского остро-

ва Оаху. Это занятие, как всегда, сильно увлекло солдат, и они бурно обсуждали, что может скрываться за разными точками и пятнышками воздушных, невидимых глазу объектов, фиксируемых на экране локатора. Неожиданно они увидели множество ярких световых пятен, и Локард автоматически засек время. Было две минуты восьмого. Метки радиолокационных целей (любая точка или черточка на экране радиолокатора называется целью) двигались с севера на Оаху в строгом порядке, как бы образуя ровный строй. Эллиотт быстро определил расстояние до воздушных целей – оно составляло около 250 километров.

Вот тут и сработал фактор, который позволил немецким войскам одержать много побед. Дело в том, что в уставах самой вымуштрованной и сверх всякой меры дисциплинированной армии в мире был интересный пункт: любой рядовой на любой должности в любом месте и в любое время обязан при виде опасности немедленно подать сигнал тревоги, категорически минуя все начальство. Между прочим, это очень старый пункт немецких уставов, и, наверное, благодаря ему родилась поговорка о том, что немецкую армию легче разгромить, чем застать врасплох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.